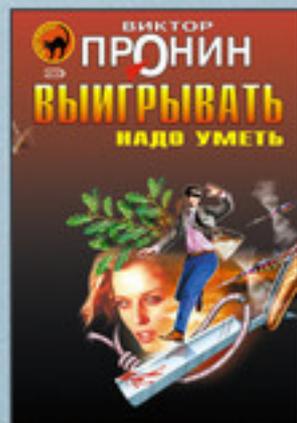

Виктор Пронин

Покаяние

*Часть сборника
Выигрывать надо уметь
(сборник)*

Виктор Пронин

Покаяние

«ЭКСМО»

Пронин В. А.

Покаяние / В. А. Пронин — «Эксмо»,

«– Ну что, решил? – спросила Света, едва я открыл глаза. Она, конечно, давно уже не спала – лежала и, глядя в потолок, готовилась к разговору. А я, еще не проснувшись, еще там, во сне, решил, что ни на какие разговоры не поддамся. Нужно ведь иногда совершать поступки, за которые можно уважать себя. Пусть они окажутся глупыми, разорительными, смешными, но они будут. Поступки, а не вынужденные, вымученные шаги. В самом деле, действительно ты живешь на белом свете или тебе все это снится? Жизнь без решений, когда от тебя не требуется ничего, кроме отправления необходимых надобностей – служба, семья, друзья... Оглянешься назад и не знаешь, год ли прошел, десять лет, на пенсию выходишь или стаж молодого специалиста заканчивается...»

© Пронин В. А.

© Эксмо

Виктор Пронин

Покаяние

– Ну что, решил? – спросила Света, едва я открыл глаза. Она, конечно, давно уже не спала – лежала и, глядя в потолок, готовилась к разговору. А я, еще не проснувшись, еще там, во сне, решил, что ни на какие разговоры не поддамся. Нужно ведь иногда совершать поступки, за которые можно уважать себя. Пусть они окажутся глупыми, разорительными, смешными, но они будут. Поступки, а не вынужденные, вымученные шаги. В самом деле, действительно ты живешь на белом свете или тебе все это снится? Жизнь без решений, когда от тебя не требуется ничего, кроме отправления необходимых надобностей – служба, семья, друзья... Оглянешься назад и не знаешь, год ли прошел, десять лет, на пенсию выходишь или стаж молодого специалиста заканчивается.

– Ну что решил? – спокойно повторила Света.

Ничего я не ответил. Неподвижно и умиротворенно лежал под одеялом. Ни одной напряженной мысли, ни одной напряженной мышцы. Ноги вытянуты, руки на груди, голова чуть приподнята. Говорят, есть какие-то кочевники – день идут, ночь идут, устанут, сил нет, тогда они ложатся на землю в такую вот позу, что-то там себе внушат и через десять минут встают свеженькие, полные сил и здоровья. И снова идут. Мне бы вот так же! Только не знаю – какие такие истины внушить себе, чтобы встать бодрым и уверенным?

– И когда ты намерен это сделать?

Конечно, я понимаю этот вопрос. Вернее, его коварство. Света не доверяла мне. Она и замуж вышла, надеясь на меня будущего – удачливого и беззаботного. Но теперь, когда этой надежды уже не стало, она все-таки находила в себе силы жить со мной, можно сказать, образцово.

– Ты же знаешь, что завтра это будет ни к чему, – сказал я.

– Да, ты прав. Завтра, пожалуй, будет уже поздно. Ты прав.

Это было благородно с ее стороны – она отказывалась от авторства на решение. Света считала меня человеком тихим, попросту говоря, слабаком, и хотела с самого утра придать мне решительности. Как будто для этого нужна решительность... Здесь требуется нечто другое – самопожертвование, скажем так. Да, я должен пожертвовать собой... ради себя же. Мне предстоит отказаться от своих мыслей, настроений, желаний, чтобы потом мне же было хорошо и уютно на этом свете. Вот только одно беспокоит – хорошо и уютно будет уже не мне, а тому, другому, в которого я превращусь. Надо же, а знакомые будут здороваться со мной и думать, что я – это и есть тот самый, настоящий. На самом деле это будет другой человек, о котором мечтала в девичестве моя жена и который до сих пор ходит за мной по пятам, соблазняя и подзуживая...

Света вздохнула, встала с кровати и подошла к окну. А у меня тут же будто счетчик сработал: месяц моря и солнца, два часа настольного тенниса ежедневно, одна хорошая книжка в неделю и сто рублей к зарплате. Поставил, можно сказать, диагноз. Глядя на людей, не могу удержаться, чтобы не подумать, как приблизить их к наилучшему варианту. Профессиональная привычка – восемь часов каждый день я думаю над тем, как улучшить конструкции разных хитрых и не очень хитрых машин.

– Когда вернешься? – спросила Света после завтрака.

– Как обычно... После шести.

– Позвони мне, ладно? Только не забудь. Сразу и позвони.

– Железно, – улыбнулся я, оценив лукавство ее просьбы.

– Мне не нравится твое настроение, – она подозрительно посмотрела на меня, раздумчиво так посмотрела, будто прикидывая возможные неприятности.

– Мне тоже.

– И все-таки оно мне не нравится, – повторила она. – Какой-то ты игривый... Слушай, это очень важно. И не только для тебя. Ты понял? Это важно для всех нас, ты понял?

– Обязательно тебе позвоню. Кровь из носа.

Люблю свежий воздух. Он кажется мне упругим и мускулистым. А комнатный, даже если он и чистый, – вялый... Как тающий на солнце холодец. Поэтому хожу на работу пешком. Пять километров – час ходьбы. Иду и с улыбкой смотрю на обгоняющие меня автобусы. Они так набиты потными, сдавленными и злыми человеческими телами, что почти всегда из их дверей торчат ноги, руки, папки... А я дышу полно, ноги охотно отмеряют расстояние. Легкие очень благодарны мне за эту прогулку, и желудок мой любит меня, и сердцу своему я тоже нравлюсь. Оно в знак признательности никогда не хнычет и не капризничает. И мне приятно разговаривать со своими органами, приятно выслушивать их четкие рапорты о готовности к рабочему дню. Я чувствую себя умелым и любимым руководителем.

Но сегодня все было иначе. В груди что-то болезненно ныло, как, наверно, бывает перед опасной операцией или в середине осени при виде массы опавших листьев. Ноги стали тяжелыми, сердце суетилось, словно хотело показать, что оно страшно занято и разговаривать ему со мной просто некогда.

Нашего шефа звали Анатолий Никодимыч, за глаза все называли его Аншефом. Он знал об этом и гордился своей кличкой.

Аншеф...

А никакого решения я вовсе и не принял. Нет у меня никакого решения. А может, есть? Где-то глубоко во мне набирает силу маленький росточек сегодняшнего поступка, за который меня уважает только один человек – Аншеф. Все хотят, чтобы я пошел к нему на покаяние. Сейчас вот зайду в отдел и первый вопрос: «Ну что? Ну как? Ходил? Смотри, а то поздно будет». И спортсмен Костя спросит, и зам, и Екатерина Петровна, и даже наша чертежница Оля... Их всех объединяет сочувствие ко мне, и все они в душе гордятся своей, пусть тайной, крамольной, но все-таки солидарностью с опальным и обреченным товарищем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.